

*Галина Педаховская,
редактор газеты „Neue Zeiten“ и
журнала „Оазис“, Дюссельдорф, Германия*

АНТОН ЧЕХОВ В ЕВРОПЕ

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Конец XIX века... Европа для русского человека давно уже не была заповедным краем, в который трудно было проникнуть. Это Александр Пушкин вынужден был испрашивать высочайшего разрешения на поездку в Европу и... не получить его. Времена изменились: платили три рубля за заграничный паспорт и, если не возникало сомнений в благонадежности. Беспрепятственно выезжали за границу.

Русская аристократия проводила сезоны в Париже и Вене, осваивала курортные города Ниццу и Биарриц, лечилась на водах в Баден-Бадене, Висбадене, Карлсбаде и Виши.

Для людей со скромным достатком поездка в Европу входила как бы в обязательную образовательно-воспитательную программу. Наконец, в Европу ездили учиться. Университеты Гейдельберга, Геттингена и Сорбонна были заполнены студентами из России. Они привозили оттуда знания, новые, еще не ведомые России идеи и желание преобразовать русскую жизнь.

Русские писатели и художники буквально хлынули за границу, стремясь преодолеть психологический изоляционизм, который, конечно, был у жителей страны, где лишь недавно было отменено крепостное право. Они стремились узнать, увидеть истоки европейского искусства. Греция... Италия... Франция – Мекка современного искусства... Многие годами жили в разных городах Европы. Завязывались непосредственные знакомства, возникали творческие контакты, они изучали европейское искусство и подчас удивляли Европу блеском своего дарования. Главное, они чувствовали себя в русле общеевропейской культуры, чувствовали свое духовное равенство.

В жизненные планы Антона Павловича Чехова тоже входило путешествие по Европе. Он часто обсуждал его программу с сестрой Марией Павловной. Но каждый раз возникала новая мысль, новое начинание, не говоря уже о поездке на Сахалин, и знакомство с Европой откладывалось.

Катастрофически отразился на здоровье Чехова провал «Чайки». «С этого момента болезнь его значительно обострилась», – пишет Михаил Чехов. До этого еще можно было прогонять болезнь (туберкулез легких) из своих мыслей, отмахиваться от нее. Теперь она ворвалась в жизнь Чехова неумолимо. На весь оставшийся ему срок жизни он переходит на положение тяжелобольного. Последние восемь лет его жизни окрашены трагическим противоречием между душевным и физическим самочувствием: творческий подъем, который он переживал, признание русского общества, которое он снискал, глубинный процесс осознания себя как писателя и общественного деятеля, его понимание и чувство жизни, то есть интенсивная творческая и духовная работа, вели, к сожалению, к роковому обострению его болезни.

Врачи предписали ему изменить образ жизни, отказаться от напряженной работы, посоветовали поехать в Европу, на Ривьеру. Антон

Павлович осень и зиму 1897, 1898, 1901 годов проводит в Ницце, в сухом и теплом климате.

К сожалению, Чехов не мог уже в силу физической слабости по-настоящему узнать и ощутить всю прелесть и разнообразие культурной жизни тогдашней Европы. Не дано было осуществиться его планам посетить Корсику, Египет и Тунис. Она, Европа, осталась для него лишь красивым фоном, на котором проходила его жизнь больного человека, а все его помыслы были связаны с Россией, с литературными и общественными процессами, которые проходили там.

Он посылает письма в Россию буквально каждый день – издателям, коллегам по перу, родным и друзьям. «Скучно без русских газет и писем», – пишет он Александру Сергеевичу Суворину, хотя тут же замечает, что французские газеты по уровню профессионализма значительно выше русских. В своих письма, успокаивая близких, он неизменно пишет, что погода стоит чудесная и он себя чувствует несравненно лучше.

Живя в Ницце, Чехов продолжает интенсивно работать, править гранки, которые ему регулярно пересылались, но жалуется в письмах В.М.Соболевскому: «Пишу здесь гораздо меньше, чем рассчитывал. Здесь нужно читать, а не писать. Но как бы то ни было, я все-таки пишу».

В Ницце Чехов жил в Pension Russe, населенном, в основном, соотечественниками. Он проводит время с проживающими там Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко, с художником Якоби. После отъезда Немировича-Данченко Чехов пишет Суворину: «...я один среди киргизов и самоедов. Смотрю на русских барынь, живущих в пансионе, – рожи скучны, себялюбиво праздны, и я очень боюсь походить на них» – так он отзывался о некоторых соседях по пансиону, так напоминавших героев его сатирических рассказов.

За событиями французской жизни Чехов следит по газетам. Злобой дня во Франции в те годы было прогремевшее на весь мир дело Альфреда Дрейфуса, офицера, обвиненного в шпионаже. Обвинение явно невиновного человека вызвало возмущение во всей Европе. Антон Павлович не только внимательно следил за ходом всех этих событий, но со свойственной ему обстоятельностью изучал стенографический отчет судебного процесса и самостоятельно пришел к мысли о невиновности Дрейфуса. Восхищаясь мужеством и честностью Эмиля Золя, выступавшего за оправдание Дрейфуса, Чехов писал: «Золя вырос на целых три аршина, от его протестующих писем точно свежим воздухом повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступить».

Антон Павлович Чехов, великий русский писатель и гуманист, при жизни трагически не успел войти в европейскую культуру. Но ему и его творчеству была уготована в Европе счастливая посмертная судьба. Чтобы понять этот феномен, достаточно осознать человеческое кредо Чехова:

«Какое наслаждение уважать людей!»

«Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы жизнь наша!»

Что вы читали в тринадцать-четырнадцать лет? Кто были ваши литературные кумиры, чьи поэтические строки вы повторяли про себя? Конечно, у каждого свое... Мое же воображение было потрясено Лермонтовым. Высокий накал страстей, пронизывающий его книги, был так созвучен подростковому максимализму; его герои – одухотворенные, одинокие, бескомпромиссные, таинственные – пробуждали непростые эмоциональные всплески, где смешивалось многое: сопереживание, желание понять их и природу их страданий, дофантазировать недописанное автором. А экзотические картины Кавказа, на фоне которых разворачивается действие многих произведений Лермонтова, были впечатляющим обрамлением, тоже оставшимся в памяти.

В 1839 году Виссарион Григорьевич Белинский писал Николаю Владимировичу Станкевичу: «На Руси явилось новое могучее дарование – Лермонтов. Страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт (имеются в виду А.Грибоедов и А.Пушкин) и что Пушкин умер не без наследника».

Михаил Юрьевич Лермонтов вступил в русскую поэзию действительно как настоящий наследник Александра Сергеевича Пушкина, а не как его подражатель; идя от Пушкина, он сумел найти новый путь для русской литературы. Белинский, сразу оценивший величину этого дарования, боялся верить своим надеждам («страшно сказать»), так как русская жизнь того времени мало способствовала появлению и развитию новых талантов. Лермонтов погиб, не дожив до двадцати семи лет и едва успев издать сборник стихотворений и роман «Герой нашего времени».

К литературному мартирологу николаевской эпохи – поэты-декабристы, казненные и погибшие в Сибири и на Кавказе, Александр Грибоедов, Александр Пушкин, Дмитрий Веневитинов – прибавилось еще одно имя – Михаил Лермонтов.

Александр Иванович Герцен посвящает Лермонтову несколько замечательных строк в «Былом и думах», называя его поэтом «всецело принадлежащим нашему поколению»: «Мы все, наше поколение, были слишком юны, чтобы принимать участие в четырнадцатом декабря. Разбуженные этим великим днем, мы видели только казни и ссылки. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выучились сосредоточиваться, скрывать свои думы, и какие думы! То не были уже идеи цивилизованного либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли. Привыкший к этим чувствам, Лермонтов не мог спастись в лиризме, как Пушкин... Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела – она пробивается во всех его стихотворениях. То не была отвлеченная мысль, стремящаяся украситься цветами поэзии: нет, его поэзия – его мучение, его сила».

Эти слова важны: они до некоторой степени заменяют нам недостающие признания самого «принужденного к молчанию» Лермонтова. Его жизнь была так коротка, пролетела столь стремительно и окончилась так рано, когда еще не думают о том, каким вылепить и оставить свой образ в истории. У нас нет ни его дневников, ни большинства его писем, ни писем к нему его друзей, ни достаточно полных и содержательных воспоминаний. Письма, вероятно, уничтожались, а воспоминаний не писали потому, что правду нельзя было сказать. Промолчал даже самый близкий друг Лермонтова – Сергей Александрович Раевский.

Роковая судьба преследовала и его близких друзей. Граф Ксаверий Браницкий, единственный из них, который прожил долгую жизнь, писал, живя в Париже в 1879 году в своих воспоминаниях: «...как мало из этих людей, тогда молодых, полных жизни, осталось на этой земле, где, казалось, долгая и счастливая жизнь ожидала их всех!.. Погиб на дуэле Александр Долгорукий. От пуля дагестанских горцев погибли Жерве и Фредерикс... Еще более горькую утрату мы понесли от преждевременной смерти Монго-Столыпина (*родственник и друг Лермонтова*) и Сергея Долгорукова, которого свела в могилу болезнь. Такая же судьба ожидала позднее и Андрея Шувалова».

Так получилось, что о Лермонтове мы знаем очень мало, и его исторический образ рисовался воображению биографов и литературоведов по-разному, в зависимости от тех или других идеологических тенденций. Немало сделал для восстановления биографии поэта, определения круга близких ему людей Ираклий Андронников, блистательные литературные беседы которого, конечно, помнят люди старшего поколения. И все же многое из жизни Лермонтова, что формировало его характер, а характер, как известно, определяет судьбу человека, остается нам неизвестным, о чем можно только строить предположения.

Говоря, что «нужно было с детства привыкнуть к резкому и непрерывному холодному ветру» и что «надо было с нежного детства приобрести навык скрывать все, что волнует душу, и не растерять того, что хоронилось в ее недрах», Герцен как будто прямо намекает на особые обстоятельства детства Лермонтова.

С детских лет Лермонтову пришлось быть свидетелем (а потом и участником) семейной драмы, истоки которой остаются до сих пор загадочными. Еще, будучи ребенком, он оказался предметом жестоких раздоров между бабушкой с материнской стороны и отцом.

Отец Лермонтова, Юрий Петрович, мелкопоместный дворянин, состоял на военной службе и был воспитателем в кадетском корпусе в Петербурге. В 1811 году, когда ему было двадцать четыре года, он вышел в отставку, будто бы по болезни, и уехал в свое маленькое имение Кропотово Тульской губернии. По соседству находилось имение Арсеньевых. Знакомство с юной Марией Михайловной окончилось браком, несмотря на сопротивление матери – Елизаветы Алексеевны. Арсеньева происходила из богатой и знатной семьи Столыпиных, имевшей связи в высшем обществе, а Юрий Петрович Лермонтов был капитаном в отставке и мелким помещиком. Надо полагать, что на этой почве позднее начались семейные ссоры. Сохранились сведения, что брак был несчастлив.

В 1817 году, когда Лермонтову было всего два с небольшим года, мать его умерла. Причина этой ранней смерти нам неизвестна, но несомненно, что она была подготовлена какими-то трагическими обстоятельствами. Об этом свидетельствует стихотворение Лермонтова 1831 года:

*Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя...*

После смерти жены Юрий Петрович хотел взять сына в Кропотово, но бабушка заявила, что оставит его у себя. Сначала была договоренность на два года, так как ребенок слишком мал. Но Арсеньева не выполнила условий этого договора, всячески оттягивая решение вопроса. Приводились всяческие доводы, унижавшие Юрия Петровича: он, дескать, беден, не

сможет достойно воспитать сына, а тем более тратить четыре тысячи рублей в год на обучение маленького Мишеля иностранным языкам. Кстати сказать, французским, немецким и английским (что было особенно удивительно для России того времени) языками Лермонтов к шестнадцати годам владел свободно, что и позволило ему прекрасно знать европейскую литературу, переводить Байрона и Гете на русский язык.

В глазах юноши Лермонтова отец был лицом страдающим, несправедливо осужденным не только бабушкой, но и «светом», оказавшимся «изгнанником на родине». Когда Лермонтову исполнилось шестнадцать лет, опять остро возник вопрос о том, что он должен жить с отцом, но ни к какому решению не успели прийти, так как тот неожиданно умер в 1831 году в возрасте сорока четырех лет. По официальной документам, причиной смерти была чахотка, но эта ссылка на чахотку так же подозрительна, как и в смерти матери поэта. Среди кропотовских крестьян сохранилась легенда, записанная в 1926 году со слов старика, бывшего крепостного Юрия Лермонтова: «Когда Юрий Петрович овдовел, он стал ездить к шкилевской барыне Раисе Петровне. Она приглашала его поморить крестьян. Он не согласился. Тогда она его извела, и он умер в Шкилевке. Крестьяне Кропотова всей деревней пошли туда и принесли его тело к нам в деревню и похоронили в церкви под амвоном».

Как ни фантастична эта легенда, за ней скрываются какие-то действительные факты. Лермонтову было всего шестнадцать лет, он едва вышел из детского возраста. Смерть отца была для него страшным ударом. Отец умер одиноким, страдающим от разлуки с сыном, забытым и брошенным. В эпитафии, посвященной отцу, Лермонтов говорит:

*Ты дал мне жизнь,
Но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль...
Но понимаем был одним.*

И к этому «одному» были обращены слова завещания Юрия Петровича: «Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобой. Прошу тебя уверить твою бабушку, что вполне отдавал ей справедливость во всех благоразумных поступках в отношении твоего воспитания и образования и, к горести моей, должен был молчать, когда видел противное, дабы избежать неминуемого неудовольствия. Скажи ей, что несправедливости ее ко мне всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ее заблуждении, ибо она явно полагала видеть во мне врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мной женщины!»

Эта семейная драма Лермонтова нашла свое отражение в его драме „Menschen und Leiderschaften“ – «Люди и страсти» – название заимствованно у Фридриха Шиллера.

К поэтическому дару, которым был наделен Лермонтов, было добавлено блестящее гуманитарное образование, которое, сочетаясь с трезвым взглядом на жизнь и общество, умением анализировать и видеть причины и следствия, позволили ему в шестнадцать-семнадцать лет создавать произведения, стоящие на уровне высших достижений русской литературной мысли.

Но те издержки воспитания, о которых писал в своем завещании его отец, определили его характер и предопределили его судьбу. Его бабушка Елизавета Алексеевна, потеряв всех своих близких – дочь и двух своих

братьев Дмитрия и Аркадия Столыпиных, с которыми была очень близка, сосредоточила всю свою любовь, подчас деспотическую, подчас неразумную, и внимание на единственном внуке. Е.А.Сушкова пишет: «...старушка Арсеньева боготворит внука своего Лермонтова; бедная, она пережила всех своих; она жила им одним и для выполнения его прихотей, не нахвалится, бывало, им, не налюбуется на него; я предсказывала ей великого человека в косолапом и умном мальчике».

«Великий человек» и литератор выростал в «умном мальчике», но выростал и скрытный, озлобленный, неуживчивый и нетерпимый человек. И если его первая ссылка на Кавказ была наказанием за бунтарское стихотворение «На смерть поэта», то причиной второй ссылки, оказавшейся для него роковой, была мелкая ссора с сыном французского посланника де Барантом, что лежало на поверхности событий, и неприятие жизни светского общества, которое он не только не скрывал, но и афишировал.

Лермонтова, уже известного в 1840 году русского литератора, который содержался на гауптвахте перед второй ссылкой на Кавказ, посетил Виссарион Белинский. Вот что он рассказал об этом визите Ивану Панаеву: «Мы едва знакомы, общих интересов никаких... Что связывает нас – так это любовь к искусству. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался разговор об английской литературе и Вальтере Скотте. Я смотрел и не верил своим глазам: лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собой... В словах его было столько истины, глубины и простоты. Я первый раз увидел настоящего Лермонтова... Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и поэтическая душа в нем! Мне, наконец, удалось-таки увидеть его в настоящем свете!»

Необходимость второй раз уезжать в ссылку тяготила Лермонтова, как и военная служба вообще. Он два раза просил об отставке и два раза получал отказ – власть предредающая не хотела видеть поэта-бунтаря ни в Петербурге, ни в Москве. А он мечтал о путешествии в Европу, об основании нового литературного журнала в России.

Но судьба распорядилась иначе.

Рассказы о последних месяцах жизни Лермонтова в Пятигорске, об обстоятельствах дуэли с Мартыновым тоже, как и о многих других событиях его жизни, противоречивы. Человек храбрый, прошедший через сражения кавказской войны, через несколько дуэлей, наконец, так достоверно не раз описавший психологическое состояние человека перед этим необычным способом разрешения споров, Лермонтов, как видно, не был отягощен плохими предчувствиями и погиб мгновенно с улыбкой на губах и фуражкой полной ранних вишен в руках.

Однажды, как быстро уплывает время – тридцать лет тому мы осенним утром шли по улицам Пятигорска. «Воздух был чист и свеж, как поцелуй ребенка», а горы, окружающие город, четко проступали на фоне безоблачного неба. Двери в музей-квартиру Лермонтова были распахнуты, всюду стояли вазы с цветами, сотрудницы музея, нарядно одетые, радостно встречали нас: «Сегодня будет много народу, в этот день к Михаилу Юрьевичу приходит весь город, но вы сегодня первые...» Было четырнадцатое октября – день рождения великого русского поэта.

Музей располагается в доме, принадлежавшем во времена Лермонтова, генералу Верзилину. Здесь бывал Лермонтов, здесь бывали его друзья, здесь царил дух дружеского расположения и взаимопонимания. А рядом с «большим» домом (хотя в действительности это небольшое приземистое строение) стоит «дом под соломенной крышей» (так

называется он в путеводителе по музею), где и жил поэт. В этой маленькой хатенке, служившей короткое время пристанищем опальному поэту, казалось, еще незримо витают сотворенные им образы – гордого Мцыри, разочарованного в справедливости божественного промысла падшего ангела Демона, одинокого в своем отчаянии Печорина – три ипостаси души самого поэта.

Было тихо и безлюдно, лишь посвист еще не улетевших ласточек нарушал тишину... Сотрудницы музея объяснили нам, как пройти к месту дуэли, но мы не пошли туда.

Ведь тех, кому двадцать шесть, убить невозможно – они просто растворяются в этом осеннем воздухе, этих горах, которые он так любил рисовать, в звенящей тишине, чтобы всплыть образом, воспоминанием в душах тех, кто способен чувствовать и сострадать.